УДК 94(47).072

И. А. Иванов

«Нещастное и постыдное приключение» как предвестник восстания декабристов. «Семеновская история» 1820 г. в зеркале государственной безопасности[1]

Возникновение политической или «высшей» полиции в европейских государствах нередко описывается историками как один из побочных эффектов эпохи Просвещения. Действительно, политические реформы, проводимые в русле просвещенного абсолютизма, требовали создания инструментов, гарантировавших их насильственное осуществление при необходимости даже и вопреки настроениям общества. В то же время невозможно отрицать наличие связи между становлением полицейских учреждений Нового времени и событиями Великой французской революции, а именно якобинским террором и переустройством Европы в ходе наполеоновских войн. Мы проанализируем в данной статье влияние политического контекста последовавшей за Венским конгрессом эпохи на восприятие действительности Александром I, увязав это с решениями в области обеспечения внутренней и общественной безопасности.

Если необходимость противостоять шпионам явилась непосредственной предпосылкой для создания «высшей полиции», то в эпоху господства Наполеона над Европой перспектива и преследуемые цели изменились. Вследствие этих событий европейские правительства отважились начать борьбу с распространением революционных идей как посредством реформ (так называемая «революция сверху» в Пруссии, Баварии), так и с помощью выверенных

репрессивных мер[2]. С другой стороны, власти перестали локализовать врага исключительно за границей. Обнаружив его у себя под боком, европейские правительства вынуждены были противодействовать нелояльно настроенным представителям собственного населения[3]. Именно в этих изменениях, продиктованных соображениями общественной безопасности, некоторые немецкие историки усматривают радикальное новшество, открывшее путь полицейским учреждениям современного типа[4]. Но так ли обстояло дело в действительности? Нам представляется, что сравнительное исследование с привлечением русского материала позволит перепроверить данный тезис западноевропейских коллег. Так, к примеру, удовлетворяла ли критерию новизны Тайная экспедиция при Сенате, созданная в самом начале правления Екатерины II и упраздненная лишь манифестом 2 апреля 1801 г., деятельность которой также была направлена против «внутреннего врага»?[5] Здравый смысл заставляет усомниться в обоснованности такого предположения, тем более что критерии для характеристики современных спецслужб уместнее было бы определять не посредством объекта наблюдения, а через анализ их институционального устройства и нормативной базы, в рамках которой осуществлялась оперативная деятельность[6]. Ведь именно наличие достаточно многочисленного персонала и разветвленной организационной структуры, пронизывающей различные социальные страты, позволяет, систематически собирая локальную информацию, аккумулировать и обрабатывать ее в аналитическом центре[7].

Исследовательский проект, в рамках которого подготовлена данная статья, исходит из предпосылки, что два основных элемента определяли безопасность государств Нового времени, а именно: конкурентоспособность политической системы в целом и личная безопасность правительств и членов их семей в частности. Нам представляется, что характер эпохи находит свое отражение в том, какой из упомянутых аспектов был приоритетным в действиях правительства в определенный момент времени. Так, в корне изменив расстановку политических сил в Европе, Французская революция и походы Наполеона вынудили государства, возникшие на территории распавшейся Священной Римской империи германской нации, в той или иной мере осуществлять программу реформ, чтобы путем эволюционных изменений, санкционированных «сверху», обеспечить жизнеспособность политической системы. Впрочем, тот же цугцванг заставил и Александра I интересоваться нововведениями своих венценосных коллег. Особенно отчетливо это проявилось, например, в области государственного администрирования (министерская реформа), общественного устройства (крестьянский вопрос), юриспруденции (кодификационная деятельность), цензуры и народного просвещения (политика в области школьного и университетского образования). Напротив, обеспечение личной безопасности царствующих особ, императорской фамилии и членов правительства стало особенно актуальным лишь во второй половине XIX в. как ответная реакция на развернутую «Народной волей» в 1879 г. «охоту» на царя[8]. Начиная с этого

момента различные ведомства разрабатывают специальные служебные инструкции, а акцент в их деятельности смещается с забот об эволюционировании политической системы на совершенствование репрессивного аппарата.

В связи с избранным предметом исследования следующие вопросы представляют особый интерес. В чем правительство Александра I усматривало главную опасность для внутренней безопасности в контексте возмущения, учиненного лейб-гвардии Семеновским полком? Какие принципы, учреждения и установления считались незыблемыми и основополагающими для существования государства? Каков был набор управленческих идей и практик, позволявших правительству оперативно реагировать в чрезвычайных обстоятельствах? В каком объеме осуществлялся межправительственный обмен информацией, мнениями и опытом в рамках Священного союза — то, что мы назовем сегодня трансфером идей? Таким образом, исследуя работу органов государственной безопасности и, соответственно, надзорную и репрессивную деятельность «высшей полиции», мы руководствуемся принципом историзма. Суть его применительно к декабристской эпохе можно сформулировать следующим образом: «Дело здесь не в том, на чьей стороне стоит историк и должен ли, имеет ли вообще право исследователь становиться на чью-либо сторону в спорах, жар которых принадлежит ушедшим эпохам. Можно, наверное, сочувствовать декабристам или безвестным “оскорбителям Величества”, можно считать александровских и николаевских следователей бесчеловечными служаками, можно возмущаться методами, которыми они пользовались. Но нельзя терять объективный критерий оценки: необходимо четко представлять, насколько в каждом конкретном случае следственные действия были обычны, правомочны и законны с точки зрения государства описываемого периода»[9].

События, связанные с возмущением Семеновского полка, не раз становились предметом специального научного изучения. Среди наиболее известных назовем работы В. И. Семевского, С. Я. Штрайха, С. Н. Чернова, В. А. Федорова, В. В. Лапина[10]. И всё же, несмотря на то что суть происшествия и связанного с ним дела достаточно хорошо исследованы, вкратце напомним основные их вехи[11]. Вечером 16 октября 1820 г. 1-я гренадерская, так называемая «государева» рота Семеновского полка выразила протест против жестокостей, издевательств и невыносимых условий службы, созданных в полку его командиром Ф. Е. Шварцем, и на следующий день была заключена в Петербургскую крепость. Известие об этом возмутило весь полк. В ночь с 17 на 18 октября, не подчиняясь командам ни собственных офицеров, ни неоднократно выезжавших туда великого князя Михаила Павловича, генералов А. Х. Бенкендорфа и И. В. Васильчикова, ни даже особенно любимого в гвардии столичного генерал-губернатора М. А. Милорадовича, полк угрожал стать совершенно неуправляемым, порывался расправиться со Шварцем и требовал освободить «государеву роту», однако в конце концов согласился добровольно отправиться под арест вслед за ней. Во избежание повторного буйства отдельные

батальоны были распределены между Петербургской крепостью, Свеаборгом и Кексгольмом. Император Александр I, находившийся в то время на конгрессе держав — участниц Священного союза в Троппау, приказал 1/14 ноября раскассировать не являвшихся активными участниками выступления солдат по разным частям армии и заново сформировать полк. Между тем следствие над солдатами, зачинщиками бунта и самим полковником Шварцем продолжалось более полугода. Завершивший его императорский указ от 29 августа 1821 г., утверждая приговор по этим двум делам, определил девятерых рядовых к шестикратному прогону сквозь батальон (т.е. каждому причиталось 6000 ударов палками), а полковник Шварц, будучи отставлен от службы, не понес сугубого наказания. В то же время офицеры Н. И. Кашкаров и И. Ф. Вадковский как имевшие возможность прекратить возмущение в зародыше, но не сделавшие этого, за свое бездействие были преданы военному суду. В созданную для этого комиссию 30 октября 1821 г. поступило также дело отставного полковника Семеновского полка Д. П. Ермолаева. У последнего при обыске были найдены подозрительные письма от нижних чинов того же полка и от офицера, князя И. Д. Щербатова, также вскоре арестованного. Несмотря на то что приговор офицерам был оглашен уже в апреле 1822 г., дело продолжало тянуться, поскольку Александр I предполагал участие Вадковского в тайном обществе. Свое окончательное разрешение оно получило лишь 27 февраля 1826 г., когда Николай I распорядился разжаловать и сослать четырех упомянутых офицеров в Кавказский корпус[12].

Существенным для нас является здесь указание на отсутствие государя в столице в момент происшествия и в ходе следствия. Немаловажно также, что он находился за границей в удаленном городке Троппау в Силезии. Таким образом, анализируя непосредственную реакцию правительства на «семеновскую историю», следует различать две перспективы, а именно взгляд на ситуацию «изнутри» — т.е. лиц, ответственных за поддержание порядка в столице, и «извне» — отношение Александра I и его окружения. Взгляд «изнутри» был детально изучен С. Н. Черновым при исследовании солдатских настроений в контексте «семеновской истории», а также в упомянутой монографии В. В. Лапина. Так, подмечена была множественность субъектов слежения за развитием настроений и общественной ситуации в Петербурге: общий надзор осуществляла столичная полиция, находившаяся в ведении Милорадовича, однако особым, хотя и довольно слабым аппаратом политического наблюдения располагали также и министр внутренних дел В. П. Кочубей и, наконец, военная полиция. При этом именно полиция Милорадовича оказалась наиболее результативной при исполнении функций надзора, а военной власти пришлось вынужденно обращаться к гражданской за помощью. В итоге полицейским наблюдением были охвачены места, активно посещаемые солдатами: питейные дома и дома «гостеприимных женщин», бани, перевоз, мелочные лавки и даже Петербургская крепость[13]. Широк был спектр как приемов розыска (напоить,

вызвать на откровенные суждения провоцирующими вопросами), так и мер упреждающего воздействия на души и умы солдат (отказ от назначения телесных наказаний, введение послаблений по службе, улучшение довольствия). Одновременно применялась система адресных репрессий, позволявшая выхватывать из солдатской среды и выкидывать в удаленные полки наиболее активные и способные к организации элементы[14].

Общественные отклики на события в столице, выразившиеся как в сочувствии семеновцам, так и полярных оценках деятельности полиции, также хорошо известны. Распространены были повсеместно высказывавшиеся надежды на скорое возвращение государя с конгресса, который справедливо рассудит и помилует свой полк. Определенное влияние на отношение публики имела подспудная борьба личных амбиций и конкуренция между военным генерал-губернатором Милорадовичем, командиром гвардейского корпуса Васильчиковым, начальником его штаба Бенкендорфом, военным министром П. М. Волконским и дежурным генералом Главного штаба А. А. Закревским[15].

Между тем историография не отмечает удивительный факт: во время «семеновской истории» остались незадействованными особые механизмы перераспределения правительственных полномочий, созданные на случай чрезвычайных ситуаций, возникающих во время отсутствия государя в столице. Имеются в виду так называемые «Правила» и «Учреждения» Комитета министров, передававшие в его ведение «дела той части высшей полиции, которой цель есть сохранение всеобщего спокойствия и тишины граждан и обезпечение народного продовольствия» (1808 г.). Соответствующие проекты утверждались неоднократно, начиная с 1805 г. (под именем Комитета «всеобщего спокойствия и тишины»), в 1808 г. (на время пребывания Александра I в Эрфурте), 1812 г. и, наконец, непосредственно перед отъездом государя в Троппау осенью 1820 г.[16] Однако управление чрезвычайной ситуацией, последовавшей за волнениями в Семеновским полку, осуществлялось не Комитетом министров в Петербурге, но в «ручном режиме» — императором — из-за границы, в то время как следствие было поручено специальной комиссии, состоявшей из генералов во главе с В. В. Левашовым[17]. Следует отметить, что «рутинизация» управления в подобных случаях происходит лишь при Николае Павловиче [18]. Так, в 1828 г. «Государь Император, соизволяя в скором времени отправиться к действующей армии, Высочайше повелел, чтоб течение дел (в том числе по части “высшей полиции”. — *И. И.*) здесь осталось постоянно в том же порядке, как и в Высочайшее Его Императорского Величества здесь присутствие»[19]. При этом как временные «Правила» Александра I, так и соответствующие распоряжения его преемника до сих пор рассматривались исследователями сугубо в институциональном ключе — в контексте межведомственной борьбы, происходившей между Комитетом министров и различными органами «высшей полиции», параллельно существовавшими в александровское царствование, или же в связи с конфликтом компетенций III Отделения

и МВД на исходе 1820-х гг.[20] Между тем в не меньшей степени здесь угадываются и недоверие монарха к ведомствам, вниманию которых было вверено попечение о «высшей полиции», а также недостаточная разработанность данной сферы управления при Александре I[21].

Хуже представлен в литературе взгляд «извне» на волнения Семеновского полка. Как известно, конгресс в Троппау был созван по инициативе Александра I с целью обсуждения и выработки коллективных мер противодействия солдатским восстаниям, имевшим место в начале 1820 г. в Испании и в июле того же года в королевстве Обеих Сицилий[22]. Притом выступление войск, собранных в Кадисе для отправки в Латинскую Америку на подавление антиколониальных выступлений, как и восстание карбонариев, сторонников освобождения и объединения Италии в Неаполе, вскоре привели к низложению легитимной монархии и введению конституции (наподобие испанской конституции кортесов 1812 г.). В повестку дня в Троппау была включена поэтому выработка правовой основы для применения принципа военной интервенции в случае возникновения революционных событий в европейских государствах.

Между тем, хотя возмущение Семеновского полка хронологически и пришлось на полосу европейских революций, ни по своему характеру, ни по политическому значению оно таковым не соответствовало[23]. Этот факт был очевиден участникам переговоров в Троппау — по крайней мере Меттерниху и его непосредственным помощникам, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Тем не менее австрийская дипломатия постаралась аргументированно встроить и это происшествие в череду восстаний, побуждавших участников конгресса к поиску солидарного решения в вопросе о превентивных мерах, необходимых для успешной борьбы с революционным движением[24]. Успеху тактики Меттерниха могло бы поспособствовать также то обстоятельство, что известие о бунте он получил прежде Александра I и имел возможность подготовиться к разговору с царем[25]. В таком случае именно здесь следовало бы искать ключевое звено в цепочке доводов, заставивших мистически настроенного Александра I, пересмотрев свое отношение к природе европейских революций, увериться в существовании разветвленного заговора революционеров и усомниться в возможности совместить верность монархическому принципу с либеральными и конституционными реформами[26]. Однако, не имея под собой достаточной фактологической базы, данная аргументация требует оговорок и более тщательного разбора. В самом деле, не выдерживает критики утверждение, что правительственные курьеры, посланные из Петербурга в Троппау, задержались в пути или же прибыли к месту проведения конгресса уже после того, как соответствующая информация была получена по каналам дипломатической почты австрийцами[27]. Если даже фельдъегерь, посланный со срочным донесением из Петербурга, прибыл в Троппау 29 октября / 10 ноября, а адъютант генерала Васильчикова П. Я. Чаадаев, призванный лично разъяснить государю суть происшедшего, достиг места проведения конгресса днем позже, то оба они в любом

случае опередили австрийского курьера. Наконец, официальное обсуждение обстоятельств происшествия Александром I и Меттернихом состоялось лишь 2/15 ноября[28]. Более того, для предотвращения именно такого рода оплошностей Кочубей на свой страх и риск с самого начала распорядился задержать выдачу документов на отъезд иностранным курьерам, полагая, что иностранные резиденты должны были бы удостовериться в том, что инцидент исчерпан, прежде чем получить возможность проинформировать свои правительства[29]. Воспоминания Меттерниха также опровергают предположение о том, что, искусно воспользовавшись полученными от своих агентов сведениями о бунте, австрийский канцлер будто бы получил дополнительное средство морального давления на Александра I. Так, уже в самом начале переговоров Меттерних констатировал изменившееся умонастроение царя и сближение их взглядов[30]. Вопрос о том, когда произошел решающий перелом в воззрениях Александра I на природу европейских революций, остается дискуссионным. Несомненно, благодаря наличию обширных династических связей царь имел возможность наблюдать за конституционными опытами германских государств, и не в последнюю очередь — Великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах, поддерживая корреспонденцию как со своей сестрой Марией Павловной, так и с такими доверенными лицами, как Александр Стурдза и Август фон Коцебу. Убийство последнего революционно настроенным студентом К. Л. Зандом в феврале 1819 г. не привело к немедленному изменению взглядов императора, но стало одной из причин постепенно усиливавшегося разочарования Александра I в возможностях сочетать монархический принцип с либеральными реформами. Этот процесс переоценки ценностей в значительной мере завершился уже к концу года, т.е. за год до встречи в Троппау[31]. В контексте европейских революций и террористических покушений на представителей старого порядка, совершавшихся после Венского конгресса, кажется вполне уместным обратиться к историографическим категориям «пространство опыта» и «горизонт ожиданий» (Р. Козеллек[32]), позволяющим уяснить состав актуальных угроз, представавших взору глав европейских государств — угроз, приводивших не только к демонизации революции и выдвижению предположений о существовании революционного заговора, охватывавшего всю Европу, но требовавших также и принятия мер, направленных на обеспечение внутренней и общественной безопасности в соответствии с прогнозируемым неблагоприятным развитием ситуации[33]. Впрочем, мифологизация Французской революции не застила ведущим европейским политикам взгляд на то, что наличие всеевропейского заговора необходимо было еще доказать. Именно с целью такого полицейского расследования принятые в августе 1819 г. Карлсбадские соглашения предполагали создание особой следственной комиссии в г. Майнце, в задачи которой входило выявление тайных пружин убийства Коцебу[34].

Что же касается «семеновской истории», то, не разделяя опасений Александра I, что происшествие могло быть инспирировано тайными обществами, дей-

ствовавшими по всей Европе (Александр I полагал, что его хотели «испугать»), главное зло Меттерних усматривал во впечатлении, которое это событие должно было произвести на общественное мнение европейских государств[35]. Примечательно, что, несмотря на разногласия в нюансах, оба они были солидарны, высказывая озабоченность тем, как оно отреагирует на известия о бунте Семеновского полка. Столь пристальное внимание правительств к *opinion publique* свидетельствует о том, что оно уже стало существенным фактором, влиявшим на официальную политику в области общественной безопасности не только в Западной Европе, но и в России[36].

Подведем итоги. Считать «семеновскую историю» предвестником восстания декабристов можно, однако не в смысле наличия какого-либо организационного преемства между двумя выступлениями, а в смысле обусловленного ими континуума сомнений, опасений и вопросов в связи с обеспечением государственной безопасности. Новые вызовы, с которыми самодержавное правительство столкнулось в 1820 г. и пять лет спустя, выявили неуверенность императора в собственной армии и особенно в гвардейских полках «как наиболее эффективных и в роли твердых защитников порядка, и в виде его смелых нарушителей»[37]. Серьезные опасения вселяли недостаточная идейная стойкость солдат и офицеров, их восприимчивость к внешним влияниям, не говоря уже о расшатанной дисциплине и покачнувшейся выучке. Кроме того, правительство воочию убедилось в недостаточной эффективности имевшихся в его распоряжении органов «высшей полиции», оказавшихся не в состоянии вовремя распознать назревающее недовольство и предотвратить инциденты. Не случайно поэтому, что еще в ходе своего пребывания в Лайбахе Александр I 4 января 1821 г. санкционирует создание особой военной полиции при Гвардейском корпусе в столице для наблюдения за расположением умов, замыслах и намерениях всех чинов[38], а Николай I уже в январе 1826 г. строит планы коренной реорганизации системы «высшей полиции» в Российской империи[39]. Известное сходство реакций двух монархов можно усмотреть также и в усилении правительственного надзора за либеральными процессами в обществе, происходившими как в целом по стране, так и в особенности на окраинах империи[40].

[1] Статья написана по гранту, любезно предоставленному Германским исследовательским сообществом в рамках финансирования совместного научного проекта “Dynamics of Security”, осуществляемого на базе университетов Марбурга и Гиссена, а также Института им. И. Г. Гердера в Марбурге (SFB/TRR138, TP B04).

[2] *Siemann W.* “Deutschlands Ruhe, Sicherheit und Ordnung”. Die Anfänge der politischen Polizei: 1806–1866. (Studien und Texte zur Sozialgeschichte der Literatur. Bd. 14). Tübingen, 1985. S. 1–5. Политический контекст и общее направление реформ, проводившихся в Германии в первые два десятилетия XIX в., см.: *Rürup R.* Deutschland im 19. Jahrhundert: 1815–1871. (Deutsche Geschichte. Bd. 8). Göttingen, 1992. S. 125–141.

[3] О постепенной дифференциации функций надзора за общественным порядком и личной охраны монарха на примере Баварского королевства см.: *Iwanov I. A.* Die Ausdifferenzierung staatlicher Gewaltakteure nach dem Untergang des Ancien Régime am Beispiel Bayerns // Sicherheitsakteure / Hrsg. von C. Westermeier, H. Carl. Baden-Baden, 2017 (в печати).

[4] Ср. *Siemann W.* "Deutschlands Ruhe, Sicherheit und Ordnung". S. 48–49, 71.

[5] Структура Тайной экспедиции, а также применяемые ею следственные и делопроизводственные приемы исследованы в статье: *Сивков К. В.* Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // Ученые записки имени МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 35. Кафедра истории СССР. Вып. 2. М., 1946. С. 96–110.

[6] Обоснование этого подхода см.: *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. СПб., 2008. С. 10–11.

[7] *Knöbl W.* Polizei und Herrschaft im Modernisierungsprozeß. Staatsbildung und innere Sicherheit in Preußen, England und Amerika 1700–1914. Frankfurt am Main, 1998. S. 184–185, 340–347.

[8] *Dietze C., Schenk F. B.* Traditionelle Herrscher in moderner Gefahr. Soldatisch-aristokratische Tugendhaftigkeit und das Konzept der Sicherheit im späten 19. Jahrhundert // Geschichte und Gesellschaft. 2009. Bd. 35. S. 23–31.

[9] *Севастьянов Ф. Л.* Процесс по делам о государственных преступлениях в России в первую четверть XIX в. // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 6. СПб., 2004. С. 309.

[10] *Семевский В. И.* Волнение в Семеновском полку в 1820 г. // Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения. 1907. № 1–3; *Штрайх С. Я.* Восстание Семеновского полка в 1820 г. Пг., 1920; *Чернов С. Н.* Из истории солдатских настроений в начале 20-х гг. XIX в. // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 96–156; *Федоров В. А.* Солдатское движение в годы декабристов: 1816–1825 гг. М., 1963; *Лапин В. В.* Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. Л., 1991.

[11] Ср. *Андреев А. Ю.* «Отсутствующие всегда виновны...» (Князь И. Д. Щербатов и Д. П. Ермолаев на следствии по делу о возмущении Семеновского полка в 1820 г.) // Знание — сила. 1998. № 3. С. 112–120; № 4. С. 129–138.

[12] *Лапин В. В.* Семеновская история. С. 212–213; *Федоров В. А.* Солдатское движение в годы декабристов. С. 151–157.

[13] *Чернов С. Н.* Из истории солдатских настроений. С. 105.

[14] Там же. С. 146, 134.

[15] Там же. С. 98; *Лапин В. В.* Семеновская история. С. 184. Ср. письмо Д. П. Бутурлина А. И. Чернышеву от 18 ноября 1820 г. с описанием состояния гарнизона и столичного общества после возмущения в Семеновском полку, а также полицейских мероприятий генерал-губернатора: ОР РНБ. Д. 836. Оп. 1. № 35.

[16] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 30 (1805); Д. 304 (1808); Д. 625 (1812); Д. 3294 (1820). Ср. выписку из относящегося к 1820 г. распоряжения: «Комитету министров. Во время отсутствия Моего из столицы повелеваю в производстве дел руководствоваться следующим порядком: 1) По делам, требующим Моего разрешения или доводимым до Моего сведения, положения Комитета представлять Мне на утверждение обыкновенным порядком мемориями и ожидать повеления; в случаях же, не терпящих отлагательства, поступать на основании 24-го и 25-го § § Правил, утвержденных Мною 24-го марта 1812-го года. 2) По делам текущим, по коим не испрашивается Моего разрешения, положения Комитета приводить в исполнение и доносить Мне в общих мемориях к сведению» (Проект Высоч. повеления Комитету министров о порядке делопроизводства во время отбытия Е.И.В.). Там же. Д. 3294.

[17] *Лапин В. В.* Семеновская история. С. 194–206. О следственной деятельности ген. Левашова после 14 декабря см.: *Эдельман О. В.* Следствие по делу декабристов. М., 2010. С. 77–79, 164–173.

[18] Ср. *Андреева Т. В.* «Отсутствующие всегда виновны...» С. 581–582.

[19] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1374.

[20] *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением... С. 86–88. *Бибиков Г. Н.* А. Х. Бенкендорф и политика Николая I. М., 2009. С. 234–235.

[21] Для степени изученности этого вопроса характерно, что недавно опубликованная коллективная монография по истории административных реформ в России не касается ни темы полицейского управления в общем, ни аспектов, связанных с деятельностью «высшей полиции» в частности. См.: *Каменский А. Б.* Реформы первой четверти XIX в. // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 2: XVIII — первая половина XIX в. / Отв. ред. А. Б. Каменский. М., 2016. С. 299–364.

[22] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 489–493; *Dorn B.* Friedrich von Gentz und Europa. Studien zu Stabilität und Revolution 1802–1822. Bonn, 1993. S. 341–350.

[23] *Wieczynski J. L.* The Mutiny of the Semenovsky Regiment in 1820 // The Russian Review. 1970. Vol. 29. N 2. P. 174–177.

[24] *Dorn B.* Friedrich von Gentz und Europa. S. 377.

[25] Ibid.

[26] *Dorn B.* Friedrich von Gentz und Europa. S. 363–364. Ср.: *Menger Ph.* Die Heilige Allianz. Religion und Politik bei Alexander I. (1801–1825). (Historische Mitteilungen — Beihefte. Bd. 87). Stuttgart, 2014. S. 346–354.

[27] Ср. подобное утверждение: *Лапин В. В.* Семеновская история. С. 125. Между тем уже М. Лонгинов установил, что Чаадаев совершал данную поездку со всей необходимой поспешностью, см.: *Лонгинов М.* Эпизод из жизни П. Я. Чаадаева (1820 года) // Русский архив. 1868. № 8. Стб 1319–1323.

[28] *Tempest R.* The Secret of Troppau: Chaadaev and Alexander I // Studies in Soviet Thought. 1986. Vol. 32. N 2. P. 305–307.

[29] *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствие: В 4 т. Т. 4. СПб., 1898. С. 541.

[30] Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, Chancelier de cour et d'état / Publ. par Richard de Metternich. Pt. 2. T. 3: L'ère de paix 1816–1848. Paris, 1881. N°444, 448, 454. Ср. Записки Меттерниха // Исторический вестник. 1881. Т. 5. С. 100–113.

[31] *Schedewie F.* Simple voyageur, employé Russe. August von Kotzebue und die russische Deutschlandpolitik zwischen Weimar und Wien, 1817 bis 1819 // Ereignis Weimar–Jena. Kultur um 1800 / Hrsg. O. Breidbach, Kl. Manger, G. Schmidt., Paderborn, [2015]. S. 133–135.

[32] *Козеллек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. Научный и общественно-политический журнал. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

[33] *Siemann W.* Metternich — Strategе und Visionär. Eine Biographie. München, 2017. S. 638–735.

[34] Ibid. S. 695; *Büssem E.* Die Karlsbader Beschlüsse von 1819. Die endgültige Stabilisierung der restaurativen Politik im Deutschen Bund nach dem Wiener Kongreß von 1814/15. Hildesheim, 1974; *Weber E.* Die Mainzer Zentraluntersuchungskommission. Karlsruhe, 1970.

[35] В своем письме к А. А. Аракчееву от 5 ноября государь сообщал, что главная цель истинных зачинщиков возмущения заключалась в том, чтобы «испугать» и «встревожить» царскую фамилию, заставив его самого прервать работу на конгрессе, и устремиться сломя голову в столицу. См.: *Лапин В. В.* Семеновская история. С. 182. Ср.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 34. Л. 76 об. — 77.

[36] *Dorn B.* Friedrich von Gentz und Europa. S. 379.

[37] *Чернов С. Н.* Из истории солдатских настроений. С. 96, 153–154.

[38] *Шильдер Н. К.* Император Александр I. С. 548–549. Генерал Закревский обратился к государю с соответствующим предложением уже в письме от 21 октября 1820 г. Там же. С. 532. Подробнее см.: *Севастьянов Ф. Л.* Развитие «высшей полиции» при Александре I // Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. СПб.; М., 2002. С. 240–244.

[39] *Бибиков Г. Н.* А. Х. Бенкендорф и политика Николая I. С. 122–129.

[40] *Андреева Т. В.* «Отсутствующие всегда виновны...» С. 522–528.

References

Andreev A. Û. "*Otsutstvuûŝie vsegda vinovny...*" *(Knâz' I. D. Ŝerbatov i D. P. Ermolaev na sledstvii po delu o vozmuŝenii Semënovskogo polka v 1820 g.)* ["He who is absent is always guilty..." (Prince I. D. Shcherbatov and D. P. Ermolaev during the investigation of the mutiny of the Semenovsky Regiment in 1820). In Russ.] // Znanie — sila. 1998. N 3. S. 112–120; N 4. S. 129–138.

Andreeva T. V. *Tajnye obŝestva v Rossii v pervoj treti XIX v. Pravitel'stvennaâ politika i obŝestvennoe mnenie* [The secret societies in Russia in the first third of the 19th century. Government policies and public opinion. In Russ.]. St Petersburg, 2009.

Bibikov G. N. *A. H. Benkendorf i politika Nikolaâ I* [A. Ch. Benckendorff and the policy of Nicholas I. In Russ.]. Moscow, 2009.

Černov S. N. *Iz istorii soldatskih nastroenij v načale 20-h gg. XIX v.* [From the history of soldiers' sentiments in the early 20s of the 19th century. In Russ.] // Černov S. N. U istokov russkogo osvoboditel'nogo dviženiâ. Saratov, 1960. S. 96–156.

Dietze C., Schenk F. B. *Traditionelle Herrscher in moderner Gefahr. Soldatisch-aristokratische Tugendhaftigkeit und das Konzept der Sicherheit im späten 19. Jahrhundert* // Geschichte und Gesellschaft. 2009. Bd. 35. S. 1–34.

Dorn B. *Friedrich von Gentz und Europa. Studien zu Stabilität und Revolution 1802–1822*. Bonn, 1993.

Èdel'man O. V. *Sledstvie po delu dekabristov* [The investigation of the case of the Decembrists. In Russ.]. Moscow, 2010.

Fëdorov V. A. *Soldatskoe dviženie v gody dekabristov: 1816–1825 gg.* [The soldiers' movement in the epoch of the Decembrists. In Russ.]. Moscow, 1963.

Iwanov I. A. *Die Ausdifferenzierung staatlicher Gewaltakteure nach dem Untergang des Ancien Régime am Beispiel Bayerns* // Sicherheitsakteure / Hrsg. C. Westermeier, H. Carl. Baden-Baden, 2017 (forthcoming).

Kamenskij A. B. *Reformy pervoj četverti XIX v.* [The reforms of the first quarter of 19th century. In Russ.] // Reformy v Rossii s drevnejših vremën do konca XX v. T. 2: XVIII — pervaâ polovina XIX v. / Otv. red. A. B. Kamenskij. Moscow, 2016. S. 299–364.

Knöbl W. *Polizei und Herrschaft im Modernisierungsprozeß. Staatsbildung und innere Sicherheit in Preußen, England und Amerika 1700–1914*. Frankfurt am Main, 1998.

Kozellek R. "*Prostranstvo opyta*" *i* "*gorizont ožidanij*" *— dve istoričeskie kategorii* [The "experience space" and the "horizon of expectations" — two historical categories. In Russ.] // Sociologiâ vlasti. Naučnyj i obŝestvenno-političeskij žurnal. 2016. T. 28. N 2. S. 149–173.

Longinov M. *Èpizod iz žizni P. Â. Čaadaeva (1820 goda)* [An Episode from the life of P. Ya. Chaadaev (1820). In Russ.] // Russkij arhiv. 1868. N 8. Stb 1317–1328.

Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, Chancelier de cour et d'état / Publ. par R. de Metternich. Pt. 2. T. 3: L'ère de paix 1816–1848. Paris, 1881.

Menger Ph. *Die Heilige Allianz. Religion und Politik bei Alexander I. (1801–1825)*. (Historische Mitteilungen — Beihefte. Bd. 87). Stuttgart, 2014.

Rürup R. *Deutschland im 19. Jahrhundert: 1815–1871*. (Deutsche Geschichte. Bd. 8). Göttingen, 1992.

Schedewie F. *Simple voyageur, employé Russe. August von Kotzebue und die russische Deutschlandpolitik zwischen Weimar und Wien, 1817 bis 1819* // Ereignis Weimar–Jena. Kultur um 1800 / Hrsg. O. Breidbach, Kl. Manger, G. Schmidt. Paderborn, [2015]. S. 89–135.

Semevskij V. I. *Volnenie v Semënovskom polku v 1820 g.* [The mutiny of the Semenovsky regiment in 1820. In Russ.] // Byloe: Žurnal, posvâŝennyj istorii osvoboditel'nogo dviženiâ. 1907. N 1–3.

Sevast'ânov F. L. *Razvitie "vysšej policii" pri Aleksandre I* [The development of the "higher police" under Alexander I. In Russ.] // Žandarmy Rossii / Sost. V. S. Izmozik. St Petersburg; Moscow, 2002. S. 240–244.

Sevast'ânov F. L. *Process po delam o gosudarstvennyh prestupleniâh v Rossii v pervuû četvert' XIX v.* [The trials of state criminal cases in Russia in the first quarter of the 19th century. In Russ.] // 14 dekabrâ 1825 goda. Istočniki, issledovaniâ, istoriografiâ, bibliografiâ. Vyp. 6. St Petersburg, 2004. S. 309.

Sevast'ânov F. L. *Meždu Tajnoj èkspediciej i III Otdeleniem: ot tajnogo syska — k političeskomu rozysku* [Between the Secret Expedition and the Third Department: from the secret investigation to the political search. In Russ.]. St Petersburg, 2008.

Siemann W. "*Deutschlands Ruhe, Sicherheit und Ordnung*". *Die Anfänge der politischen Polizei: 1806–1866*. (Studien und Texte zur Sozialgeschichte der Literatur. Bd. 14). Tübingen, 1985.

Siemann W. *Metternich — Strategе und Visionär. Eine Biographie*. München, 2017.

Šil'der N. K. *Imperator Aleksandr I. Ego žizn' i carstvie* [Emperor Alexander I. His life and reign. In Russ.]: V 4 t. St Petersburg, 1897–1898.

Sivkov K. V. *Tajnaâ èkspediciâ, eë deâtel'nost' i dokumenty* [The Secret expedition, its activities and documents. In Russ.] // Učënye zapiski MGPI im. V. I. Lenina. T. 35. Kafedra istorii SSSR. Vyp. 2. Moscow, 1946. S. 96–110.

Štrayh S. Â. *Vosstanie Semënovskogo polka v 1820 g.* [The mutiny of the Semenovsky Regiment in 1820. In Russ.]. Petrograd, 1920.

Tempest R. *The Secret of Troppau: Chaadaev and Alexander I* // Studies in Soviet Thought. 1986. Vol. 32. N 4. P. 303–320.

Weber E. *Die Mainzer Zentraluntersuchungskommission*. Karlsruhe, 1970.

Wieczynski J. L. *The Mutiny of the Semenovsky Regiment in 1820* // The Russian Review. 1970. Vol. 29. N 2. P. 167–180.

Список литературы

Андреев А. Ю. «Отсутствующие всегда виновны...» (Князь И. Д. Щербатов и Д. П. Ермолаев на следствии по делу о возмущении Семеновского полка в 1820 г.) // Знание — сила. 1998. № 3. С. 112–120; № 4. С. 129–138.

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика Николая I. М., 2009.

Каменский А. Б. Реформы первой четверти XIX в. // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 2: XVIII — первая половина XIX в. / Отв. ред. А. Б. Каменский. М., 2016. С. 299–364.

Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти: Научный и общественно-политический журнал. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

Лонгинов М. Эпизод из жизни П. Я. Чаадаева (1820 года) // Русский архив. 1868. № 8. Стб 1317–1328.

Севастьянов Ф. Л. Развитие «высшей полиции» при Александре I // Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. СПб.; М., 2002. С. 241–248.

Севастьянов Ф. Л. Процесс по делам о государственных преступлениях в России в первую четверть XIX в. // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 6. СПб., 2004. С. 308–333.

Севастьянов Ф. Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. СПб., 2008.

Семевский В. И. Волнение в Семеновском полку в 1820 г. // Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения. 1907. № 1–3.

Сивков К. В. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 35. Кафедра истории СССР. Вып. 2. М., 1946. С. 96–110.

Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов: 1816–1825 гг. М., 1963.

Чернов С. Н. Из истории солдатских настроений в начале 20-х гг. XIX в. // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 96–156.

Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствие: В 4 т. СПб., 1897–1898.

Штрайх С. Я. Восстание Семеновского полка в 1820 г. Пг., 1920.

Эдельман О. В. Следствие по делу декабристов. М., 2010.

Dietze C., Schenk F. B. Traditionelle Herrscher in moderner Gefahr. Soldatisch-aristokratische Tugendhaftigkeit und das Konzept der Sicherheit im späten 19. Jahrhundert // Geschichte und Gesellschaft. 2009. Bd. 35. S. 1–34.

Dorn B. Friedrich von Gentz und Europa. Studien zu Stabilität und Revolution 1802–1822. Bonn, 1993.

Iwanov I. A. Die Ausdifferenzierung staatlicher Gewaltakteure nach dem Untergang des Ancien Régime am Beispiel Bayerns // Sicherheitsakteure / Hrsg. C. Westermeier, H. Carl. Baden-Baden, 2017 (в печати).

Knöbl W. Polizei und Herrschaft im Modernisierungsprozeß. Staatsbildung und innere Sicherheit in Preußen, England und Amerika 1700–1914. Frankfurt am Main, 1998.

Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, Chancelier de cour et d'état / Publ. par R. de Metternich. Pt. 2. T. 3: L'ère de paix 1816–1848. Paris 1881.

Menger Ph. Die Heilige Allianz. Religion und Politik bei Alexander I. (1801–1825). (Historische Mitteilungen — Beihefte. Bd. 87). Stuttgart, 2014.

Rürup R. Deutschland im 19. Jahrhundert: 1815–1871. (Deutsche Geschichte. Bd. 8). Göttingen, 1992.

Schedewie F. Simple voyageur, employé Russe. August von Kotzebue und die russische Deutschlandpolitik zwischen Weimar und Wien, 1817 bis 1819 // Ereignis Weimar–Jena. Kultur um 1800 / Hrsg. von O. Breidbach, Kl. Manger, G. Schmidt. Paderborn, [2015]. S. 89–135.

Siemann W. "Deutschlands Ruhe, Sicherheit und Ordnung". Die Anfänge der politischen Polizei: 1806–1866. (Studien und Texte zur Sozialgeschichte der Literatur. Bd. 14). Tübingen, 1985.

Siemann W. Metternich — Strategе und Visionär. Eine Biographie. München, 2017.

Tempest R. The Secret of Troppau: Chaadaev and Alexander I // Studies in Soviet Thought. 1986. Vol. 32. N 4. P. 303–320.

Weber E. Die Mainzer Zentraluntersuchungskommission. Karlsruhe, 1970.

Wieczynski J. L. The Mutiny of the Semenovsky Regiment in 1820 // The Russian Review. 1970. Vol. 29. N 2. P. 167–180.

И. А. Иванов. «Нещастное и постыдное приключение» как предвестник восстания декабристов. «Семеновская история» 1820 г. в зеркале государственной безопасности

Статья анализирует возмущение лейб-гвардии Семеновского полка (16–18 октября 1820 г.) как чрезвычайное событие, заставшее военные и гражданские власти в С.-Петербурге врасплох. Положение усугублялось отсутствием в столице Александра I, пребывавшего на конгрессе Священного союза в Троппау и лишенного возможности составить непосредственное представление о характере случившегося. Поэтому столичные власти вынуждены были действовать на свой страх и риск, выжидая, как государь распорядится судьбой взбунтовавшегося полка. Между тем, если столичные власти не сомневались в том, что причиной происшествия стали злоупотребления полкового командира, то, по убеждению императора, «семеновская история» явилась очередным звеном в цепи событий, в которых проявлял себя заговор европейских революционеров. Определенное сходство с восстанием 14 декабря состоит в том, что в обоих случаях правительство убедилось в недостаточной эффективности имевшихся в его распоряжении органов «высшей полиции».

Ключевые слова: Россия, Александр I, Священный союз, Меттерних, либерализм, консерватизм, реформы, военная служба, гвардия, солдаты, бунт, безопасность, высшая полиция, надзор, общественное мнение.

I. A. Ivanov. 'A Miserable and Shameful Adventure' as a forerunner of the Decembrists' Uprising. The Semenovsky regiment's Story of 1820 in the Mirror of State Security

The article analyses the mutiny of the Semenovsky Life Guard Regiment (October 16–18, 1820) as an emergency which came as a total surprise for the military and secular power in Saint Petersburg. The situation was intensified by the fact that Alexander I was out of the capital attending the congress of the Holy Alliance in Troppau and thus was unable to make a direct impression of the character of the event. Therefore, the capital authorities had to act as they saw best, waiting at the same time for the Emperor to determine the destiny of the mutinous regiment. And while the capital authorities had no doubts about the reason causing the event being the abuse by the regiment commander, the Emperor was sure that the Semenovsky incident was another link in the chain of events resulting from the plot by European revolutionaries. A certain similarity with the revolt of December 14th was caused by the fact that in both cases the government faced the lack of efficiency of the higher police at their hand.

Key words: Russia, Alexander I, Holy Alliance, Metternich, liberalism, conservatism, modernisation, reforms, military service, guards, soldiers, mutiny, security, higher police, public opinion.

Иванов, Иван Асенович — к.и.н., научный сотрудник Института истории при Университете им. Юстуса Либиха (Гиссен, Германия).

Ivanov, Ivan Asenovich — PhD, researcher at the Institute of History at Justus Liebig University (Giessen, Germany).

E-mail: iwan-iw@mail.ru, iwan.iwanov@geschichte.uni-giessen.de